

«Я по натуре актриска»

На днях выйдет в свет новая книга известной российской писательницы Дины Рубиной «Холодная весна в Провансе». Это своего рода сборник путевых заметок о Франции, Германии, Голландии, Италии. С Диной Рубиной пообщалась корреспондент «Известий» Наталья Кочеткова.

ИЗВЕСТИЯ: Как появилась мысль написать книгу в редком сегодня жанре путевых заметок?

Дина Рубина: Это не совсем путевые заметки, вернее, совсем не путевые заметки. Те разворачиваются по принципу: «что вижу, о том пою». У меня же внутри каждой новеллы помещена некая неожиданная история — любви, смерти, разочарования, счастья... Для энергии, так сказать, повествования. Красоты же пейзажей и познавательные для путешественника детали (которые я всегда забываю) служат орнаментом, весьма необязательным. Меня гораздо более, чем пейзажи и архитектура, интересуют национальные типы, неожиданные повороты судеб, взгляд одинокого человека, выхваченный в чужой иноязычной толпе. Как он живет? Кто он? Что значит для него вот эта маленькая кондитерская на углу? И для кого предназначены две булочки, которые несет он в красном бумажном пакете?

ИЗВЕСТИЯ: Насколько часто вам удается вырваться куда-нибудь?

Рубина: По-разному случается. Я ведь по натуре актриска, много выступаю перед читателями — это еще одна грань моего странного существования: месяцы бродячей жизни, скитания из города в город, невозможность принадлежать себе, принадлежность публике... Тогда это не путешествия вовсе, а работа на износ, отхожий промысел, заработок. Я тогда и не вижу ничего по-настоящему, даже если какая-нибудь ралушная душа разворачивает передо мной красоты какого-нибудь Гамбурга... Нет, для того чтобы увидеть эти красоты, иными словами — почувствовать город, пространство, мне надо оказаться наедине с собой, замедлить бег, движение, мысли, сфокусировать взгляд. И рядом мне необходима еще одна пара вполне конкретных глаз — моего мужа, художника Бориса Карафёлова, который не только заметит смешную походку хромого продавца открыток, но и обратит мое внимание на тающий в облачке шпиль старинной церкви. Тогда мое видение страны, чужого города приобретает нужный для литературы объем... → стр. 10

ФОТО: ИЗ АРХИВА ДИНЫ РУБИНОЙ

ФОТО: СЕРГЕЙ БОРИСОВ

«Я по натуре актриска»

ИЗВЕСТИЯ: Как вы относитесь к манере «типизировать» нации?

Рубина: Я все-таки литератор и в соответствии с профессией тянусь не к типичности, а, напротив, к шпичности, к исключению. Любимый писатель для своей прозы выдернет из толпы как раз нетипичный случай... Да и видела я всякие исключения из правил. Живя в Израиле уже много лет и наблюдая всю невообразимую этническую пестроту одного-единственного народа, я давно зареклась «типизировать» народы другие. Хотя допускаю, что понятие «национальный тип» тоже не из воздуха взялось. Если меня переместить во сне в какую-нибудь страну, вывести на площадь и снять повязку с глаз, я минуты через две уже определю, что это за страна. И не только по языку, а по тому, как двигается толпа, как припарковывают автомобили, как улыбаются... Понимаете, толпа — самое важное в пространстве страны, она и создает это пространство — миллионами выходов, эманаций. Из этого бывает соткан воздух в разных местах. И это вполне реально осязаемая вещь. Это и архитектуры касается. Всякий народ веками создавал себе пространство для жизни, сообразуясь со своими предпочтениями. Так и выковывается национальный тип, который сплошь и рядом выбивается из общих правил.

ИЗВЕСТИЯ: Когда вы оказываетесь в чужой стране, то чем руководствуетесь, прокладывая маршрут?

Рубина: Это зависит от того, еду ли я с мужем, одна, или с подружкой. Если мой попутчик — муж, то я тащу свой вечный крест — блуждание по музеям в поисках очередного автопортрета Рембрандта, которого мы еще, черт побери, не видели. Если я одна, то могу просидеть в кабачке полдня, наблюдая за посетителями, официантами, прохожими за окнами, пребывая в состоянии настоящей эйфории и заполняя блокнотик густой сетью записей.

ИЗВЕСТИЯ: Во время путешествия по Провансу вы с увлечением читали переписку Винсента Ван Гога с братом. Вы любите мемуарную литературу?

Рубина: Это зависит от того — кто пишет. В мемуарной литературе важна прежде всего личность «воспоминателя». Тогда и книга приобретает определенный вес, тогда и свидетельства автора — не зависимо от того, насколько они правдивы — имеют свою цену. Мемуары должны быть талантливы. А письма Ван Гога это прежде всего замечательная литература.

ИЗВЕСТИЯ: Как отнеслись бы к публикации своей собственной переписки с кем-то из близких людей?

Рубина: Боже упаси! Я человек скабрзанный, с прищуренным глазом и острым языком, с подчас неконтролируемым чувством смешного... мало ли чего я напишу в личных письмах по частному поводу! У всех нас — после нас — остаются дети и внуки, к чему им-то расклеивать все эти запутанные хитросплетения отношений. Нет, нет и нет. Сжечь вместе с бабушкой весь ее архив к чертовой матери!

ИЗВЕСТИЯ: Когда вы пишете об Испании и Германии, то не можете отделаться от мысли о геноциде и еврейских погромах. Вы считаете, что вина за события многовековой или многолетней давности до сих пор не искуплена?

Рубина: А это моя идефикс, болевая точка, хроническая язва, которая открывается в определенные моменты, стоит только спровоцировать. У каждого человека есть такая своя идефикс. Тем более что далеко в века мне заглядывать не надо: у меня половина семьи лежит в очередной яме под Полтавой. По поводу искупленной или неискупленной вины... Это дело не наше, а ихних инстанций. Небесных. Наше дело — помнить. Память народа — залог его нравственной силы. Вот недавно я слышала в симпатичной такой интеллигентской компании некую историю, как боевой советский не то маршал, не то генерал встретился недавно с каким-то немецким не то маршалом, не то генералом. Якобы сражались они друг против друга в одной из решающих битв Второй мировой войны. Ну, и два этих старых вояки, мол, встретившись, обнялись... Такое вот «бойцы вспоминают минувшие дни»... Как бы все уже неважно, все бльем поросло. К чему берeditь и так далее... Я не знаю точно, сколько солдат полегло в том сражении, но меня все равно не тянет умиляться этому объятию. Как-то быстро забываем своих убитых, вот в чем наша беда. Человек, который не помнит потерь своего народа, не носит их в подкорке... — такой человек легок, его не обременяет память. Мобила в руке, органайзер в сумочке... фьють! эпоха умерла, да здравствует эпоха!.. А я, признаться, не доверяю легким людям. Да и сама тяжелый человек.

ИЗВЕСТИЯ: Как вы относитесь к выводу еврейских поселений из сектора Газа?

Рубина: Очень плохо отношусь. Но если стану объяснять здесь все, что хорошо бы объяснить, мы выйдем за все мыслимые рамки нашего интервью. Уж больно тема широкая.

Взгляд с Масличной горы

Дина Рубина — писатель известный. Известный давно. Еще до своего отъезда в Израиль. Сегодня можно сказать, что и ее «новое» творчество, то есть творчество израильского периода, получило признание. Романы «Вот идет Мессия», «Последний кабан из лесов Понтеведра», «Синдикат» смело можно отнести к числу популярных. Впрочем, новая книга Дины Рубиной отличается от ее романной беллетристики.

Николай Александров

К жанру путевых очерков Дина Рубина уже обращалась (достаточно вспомнить «Воскресную мессу в Толедо», она, кстати, вошла и в новый сборник). В романах Рубиной едва ли не определяющая черта — диалог, разнообразие голосов, постоянный несмолкающий хор. У Рубиной чуткий и ухватчивый вкус, она любит устную речь, стремительность беседы (даром, что сама долгое время выступала с устными рассказами). В путевых очерках доминанта другая — подчеркнутый лиризм, описательность. Впрочем, без этого ведь и не может быть путевых записок. В описании того, что видишь, в присвоении себе «чужого мира» их суть. И у Рубиной этот акт «присвоения» особенно осязателен.

Книга вовсе не случайно открывается изображением родного дома на Масличной горе. Точнее, того, что ежедневно открывается взору, что образует повседневный «театр жизни». Жизни, которая течет возле стен вечно Иерусалима. Иерусалим — центр, он и

есть точка опоры. От него удаляясь, Рубина все равно приближается к нему, чтобы в последней новелле «На исходе августа» подойти вплотную, оказаться у себя дома. И «домашний» мир Рубиной вытеснен почти во всех ее дорожных рассказах. Будь то рассказ о путешествии в Голландию, Италию, Германию, Испанию или Францию. Потому что каждое путешествие у нее подразумевает возвращение и становится его частью.

И еще одна черта постепенно становится все более отчетливой. Рубина не может даже в жанре путевых очерков держаться только в рамках лиризма и описательности. Ее интерес к «театру жизни» (прорывающийся многоголосой речью в романах), то есть к человеку, а не к декорациям и обстановке все время дает знать о себе. Почти каждый рассказ — это еще и история, это всегда еще и впечатление о человеке. И если такого «живого» человека не находится, то тогда на помощь приходит книга, как в очерке «Холодная весна в Провансе». Путешествие по югу Франции здесь происходит под аккомпанемент чтения «Писем» Винсента ван Гога. И то, что это именно письма, весьма характерно. Ван Гог, который в рассказе обильно цитируется, своим присутствием оживляет видимую картину мира, которая без человека пустынна и холодна.

Дина Рубина. Холодная весна в Провансе. М.: ЭКСМО, 2005.